

УДК 81'22

DOI: 10.15593/2224-9389/2018.4.8

О.А. Крапивкина

Получена: 25.07.2018

Принята: 29.08.2018

Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
Иркутск, Российская Федерация

Опубликована: 31.12.2018

О ДУАЛИЗМЕ СУДЕБНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

В статье судебные дискурсивные практики рассматриваются как процесс конструирования дуалистичных реальностей или миров. Дуалистичность обнаруживает свойства, связанные с объективной природой судебных дискурсивных практик, она задается относительно автономно, независимо от личностей участников судебного процесса.

Цели исследования – выявление и анализ языковых единиц, используемых для конструирования полярных репрезентаций идентичностей подсудимого и потерпевшего. Новизна исследования заключается в изучении судебной коммуникации сквозь призму категории дуалистичности.

Материалом исследования послужили ручные записи судебных процессов, сделанные автором в российских судах; судебные речи, находящиеся в свободном доступе в Интернете; скрипты судебных заседаний, размещенные на интернет-сайте youtube.com.

В статье кратко изложены мнения отечественных и зарубежных исследователей о проблеме фокусирования в языке.

Отмечается, что в основе дуалистичности судебных дискурсивных практик лежит способность говорящих перемещать фокус внимания с одних фактов реальной действительности на другие. С этой целью судебные ораторы используют механизмы фокусирования и дефокусирования, то есть смещают коммуникативный фокус с топиков, которые противоречат конструируемой им версии реальности, и направляют его на те топиксы, которые ее поддерживают, либо фокусируют/дефокусируют различные аспекты идентичности участников судебного разбирательства. Механизмы фокусирования/дефокусирования помогают судебным ораторам дефокусировать «нерелевантную» для конструируемой ими версии реальности информацию и выделять те аспекты, которые соответствуют их интенциональному состоянию.

Делается вывод о том, что языковые единицы, используемые для осуществления attentional shifts, способны создавать разные реальности. При конструировании мир становится таким, как было задумано его конструктором.

Ключевые слова: дуализм, дискурс, фокусирование, дефокусирование, судебная речь.

О.А. Krapivkina

Received: 25.07.2018

Accepted: 29.08.2018

Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation

Published: 31.12.2018

ON DUALISM OF COURTROOM DISCOURSE PRACTICES

The article describes courtroom discourses as dual constructs of reality. Duality manifests properties typical of the objective nature of courtroom discourse practices. It does not depend on the personalities of courtroom participants.

The purpose of the research is to identify and analyse linguistic means used to create opposing representations of the same criminal identities of key trial actors (defendants and victims). The novelty of the article is justified by the study of courtroom discourse through the category of dualism. In order to study the dualism of courtroom discourse practices, the author used hand-written recordings of trials, closing arguments available on the Internet, scripts of trials posted on youtube.com. The article provides brief description of Rus-

sian and foreign views on the issue of focusing/defocusing. Closing arguments allow lawyers to present their topics, narratives, arguments, and selves to the jury members. They strive to be persuasive, informative, and authoritative. Lawyers are able to achieve all of these things through focusing and de-focusing information. Focusing and de-focusing occur at the linguistic level and through discursive choices. Speakers' linguistic selections de-focus certain properties of the referent, but they also highlight or focus other properties. The article concludes that lawyers use linguistic units to carry out attentional shifts and create dual realities. When constructing the world, it becomes such as it was devised by the constructor.

Keywords: *dualism, discourse, focusing, defocusing, closing argument.*

Состязательный характер судебных дискурсивных практик, направленных на оказание речевого воздействия на присяжных заседателей с целью достижения полярных перлокутивных эффектов (вердикт о виновности vs. вердикт о невиновности подсудимого), обуславливает дуалистичность, или дуализм судебной коммуникации.

В Философском энциклопедическом словаре дуализм (от лат. *dualis* – двойственный) определяется как «сосуществование двух различных, не тождественных друг другу принципов, образов мыслей, мировоззрений, жизненных устремлений и т.п.» (мир идей и мир действительности, Бог и дьявол, дух и материя, душа и тело, мышление и протяженность, чувственное познание и разум, вера и знание, необходимость и свобода и т.д. [1].

Дуалистичность предполагает конструирование судебными ораторами полярных реальностей на основе одного и того же события с одинаковым составом участников, формирование разных идентичностей участников процесса (подсудимого, потерпевшего, свидетелей, присяжных заседателей).

Представляется возможным предположить, что в основе дуалистичности судебных дискурсивных практик лежит способность говорящих перемещать фокус внимания с одних фактов реальной действительности на другие. С этой целью они используют механизмы фокусирования и дефокусирования, то есть смещают коммуникативный фокус с топиков, которые противоречат конструируемой им реальности и направляют его на те топиксы, которые ее поддерживают, либо фокусируют/дефокусируют различные аспекты идентичности участников судебного разбирательства.

Понятие конструирования дуалистичных версий реальности в дискурсе требует краткого анализа понятий фокусирования/дефокусирования внимания.

Понятие фокусирования восходит к предложенному Т. ван Дейком понятию фокуса, под которым понимается акт выбора объекта для специальной обработки вниманием. В этом отношении объект, находящийся в фокусе, выделяется из множества других объектов, образующих его окружение (*environment*) или периферию (*fringe*) [2, с. 315]. Особо разъясняется, что понятие фокуса должно быть локализовано на уровне референции. Сам факт произнесения слова или словосочетания помещает их в фокус, и, следовательно, фокус не является ни морфологическим, ни синтаксическим явлением, а относится к словоупотреблению [Там же, с. 317].

О градации выделенности или фокусности писали М.А.К. Хэллидей и Р. Кверк [3; 4], указывая на наличие первичного и вторичного фокусов, релевантной и нерелевантной для конструирования реальности информации.

Дж. Гербнер для обозначения понятия «фокус» использует термин «эмфазис», которым обозначает меру относительной важности единицы внимания в высказывании [5]. Меры эмфатизации, по мнению исследователя, определяют степень интенсивности и важности. Таким образом, эмфазис является сравнительной характеристикой топика. Нейтрализация означает, что топика обладают одинаковой степенью важности, в то время как де-эмфазис предполагает, что один топик является менее значимым, чем другой.

В более поздних работах Т. ван Дейк также использует термин «эмфатизация», которым обозначает наиболее выделенные топика. Для противоположного понятия исследователь использует два термина: де-эмфазис и маргинализация [6].

Наиболее последовательно идея фокусности представлена в работах Р. Лангакера [7] и Л. Тэлми [8], которые описали связь между иерархиями выделенности и способами конструирования ситуации. Для Л. Тэлми распределение внимания является универсальной системой, которая детерминирует семантические и структурные свойства языковых выражений. Исходя из градуальной природы внимания, исследователь включает в континуум выделенности фигуру, фон и дефокусированный задний план (background) [Там же]. Каждый язык располагает уникальным набором средств для увеличения или уменьшения степени выделенности того или иного компонента, однако категории аттенциональности являются универсальными.

В России подход к исследованию понятий фокусирования и дефокусирования еще только начинает складываться, хотя некоторые идеи уже получили свое развитие в работах отечественных лингвистов [9; 10; 11; 12; 13]. Рассмотрим наиболее релевантные для настоящего исследования положения.

Так, С.Н. Плотникова определяет фокусирование как осознанный выбор и актуализацию в лингвистическом сознании говорящего, как правило, одного, центрального референта и его языковую обработку, заключающуюся в приписывании этому референту некоторых свойств и отношений [11, с. 155]. В понятие фокуса дискурса исследователь включает измерение значимости центрального референта, выраженное лингвистическими средствами. Как справедливо отмечает С.Н. Плотникова, говорящий стремится поместить в фокус дискурса такой референт, который будет поддержан адресатом. Об этом же говорит и О. Йокояма [14].

О.К. Ирисханова, определяя фокусирование как помещение в фокус внимания определенных свойств объектов или ситуаций, осуществляемое говорящими с помощью различных языковых единиц, подчеркивает, что «данный процесс может осознаваться говорящим в разной степени, варьируя

от почти полной неосознанности и автоматизма в конвенциональных единицах и языковых выражениях до преднамеренного устранения той или иной информации из сферы внимания слушающего при смене темы, в косвенных просьбах, намеках, уклончивых ответах или других речевых актах, направленных на эксплицитное или имплицитное манипулирование сознанием собеседника» [13, с. 14].

При описании процессов фокусирования/дефокусирования в дискурсе необходимо обращать внимание не только на те аспекты, которые оказываются выделенными/исключенными из поля зрения говорящего, но и на то, как эти аспекты способствуют конструированию дуалистичных версий одной и той же реальности, какие языковые средства используются говорящими с этой целью.

Исходя из вышеизложенного, под фокусированием мы будем понимать осознанное помещение в фокус внимания, а под дефокусированием – осознанное выведение из фокуса внимания того или иного аспекта конструируемой реальности или идентичности участника судебного процесса, реализуемое с помощью определенных языковых средств.

При анализе языковых средств фокусирования/дефокусирования в судебных дискурсивных практиках мы будем исходить из следующих постулатов:

1) конструирование реальности протекает с учетом контекста ситуации. Распределение внимания и механизмы фокусирования/дефокусирования чувствительны к интенциональному состоянию говорящего, фактору адресата, поэтому их исследование невозможно без обращения к прагматическим факторам, которое позволит исследовать их объяснительный потенциал в контексте судебной коммуникации.

2) Языковые значения не столько отражают мир объективный, существующий независимо от человека, сколько репрезентируют те структуры знаний, которые мы строим, субъективно познавая мир.

3) Осуществляя выбор между языковыми выражениями, говорящий выбирает определенный способ конструирования реальности. Языковые средства различаются степенью выделенности.

Среди многочисленных средств, используемых юристами для конструирования дуалистичных реальностей, обратим внимание на лексические единицы референции к участникам процесса.

В качестве примера рассмотрим следующие четыре фрагмента защитительных речей:

1) *Необычность дела определена и возрастом **подсудимого**, и объемом предъявленного ему обвинения*

2) *На **моего подзащитного** в деле пять характеристик.*

3) *То, что **Иванов** первым высказал мысль о необходимости заканчивать с грабежами, засвидетельствовано и в протоколе допроса Иванова.*

4) *Все, что произошло с **Витей**, – это его первый в жизни проступок (Ручные записи судебных процессов).*

В первом и втором случаях фокус направлен на функционально-ролевые характеристики подсудимого, в то время как личностные свойства игнорируются. В последних двух примерах происходит смещение фокуса с функциональных характеристик подсудимого на личностные. При этом неформальная номинация *Витя* в контексте судебного заседания может служить для помещения в фокус высказывания молодого возраста подсудимого, имплицитно отсутствию у него жизненного опыта, либо близких, доверительных отношений между адвокатом и подсудимым. Номинации и функционализмы используются адвокатом для конструирования различных идентичностей подсудимого.

Анализ эмпирического материала показал, что наиболее частотным средством референции к подсудимому в русскоязычной обвинительной речи является функционализм *подсудимый*. Имя собственное не входит в десятку наиболее частотных лексических средств референции в дискурсе прокурора.

Анализ защитительных речей показал преобладание номинаций как единиц референции к подсудимому.

В англоязычных защитительных речах встречаются и менее формальные номинации – уменьшительно-ласкательные имена, которые являются неприемлемыми в российской культуре судебных выступлений:

The fact that she might have said two different things to his mother does not mean that that came from Lizzie (Trial by Jury).

Использование уменьшительно-ласкательного имени как единицы референции может служить нескольким целям:

- 1) позволяет сократить социальную дистанцию между адвокатом и подсудимой;
- 2) служит средством персонализации подсудимой;
- 3) позволяет адвокату подчеркнуть молодой возраст подсудимой, имплицитно просьбу о снисхождении со стороны присяжных.

Как показал анализ англоязычных обвинительных речей, наиболее частотной единицей референции к подсудимому является функциональный маркер *defendant*.

Функционализация скрывает от адресата личностные характеристики подсудимого, не допускает презентации его уникальной идентичности, то есть служит цели дефокусирования индивидуальных свойств референта. В английском дискурсе запуск процессов абстрагирования лишает референта не только личностных, но и групповых признаков, например гендерной принадлежности.

Следует обратить внимание и на употребление функционализмов, характеризующих роль подсудимого в совершенном преступлении:

*He wanted to help a **child killer** avoid justice (Trial by Jury).*

«Навешивая» на подсудимую ярлык детоубийцы, прокурор конструирует одну из самых порицаемых женских идентичностей, формируя тем са-

мым негативное отношение к ней у присяжных заседателей. В то же время референция к подсудимому с использованием имени, получившая распространение в защитительных речах, носит максимально индивидуализированный характер, а в основе семантики лежат уникальные свойства человека. В связи с этим интерес представляет следующее высказывание:

Now, in this case, you are aware that we represent Mr. Orenthal James Simpson. The prosecution never calls him Mr. Orenthal James Simpson. They call him "defendant." (Simpson Case).

Адвокат реферирует к подсудимому, используя комбинацию лексем *обращение + имя собственное*. При этом он обращает внимание присяжных на то, что прокурор называет его подзащитного исключительно *defendant*, игнорируя индивидуализирующее его имя. Очевидна цель адвоката подчеркнуть дуалистичность коммуникативных интенций: фокусировать vs. дефокусировать уникальную идентичность подсудимого.

Таким образом, если имена персонализируют подсудимого, реализуют семантическое свойство человечности, то функционализмы, напротив, деперсонализируют его, фокусируя внимание адресата на роли подсудимого в судебном процессе (подсудимый) или в совершенном преступлении (убийца, насильник, грабитель и т.п.). Знак смещается от единичной к обобщенной референции и указывает на неконкретизированного представителя некоторого множества конкретных людей, характеризующихся по выполняемой ими процессуальной функции.

Тенденции, выявленные нами на материале четырех судебных выступлений, присущи большинству судебных речей, тексты которых подверглись статистическому анализу, что позволяет сделать вывод об универсальности механизма реферирования к подсудимому в двух различных правовых культурах.

Интересно отметить, что даже одинаковые номинации в защитительных и обвинительных речах могут служить дуалистичным целям: к примеру, сокращению социальной дистанции между адресатом и референтом, демонстрации близких отношений и доверия между говорящим и референтом или демонстрации отсутствия уважения говорящего к референту и т.п.

Таким образом, единицы референции к подсудимому позволяют юристам реализовать свои дуалистичные интенции, конструировать различные идентичности референта, направляя коммуникативный фокус на те или иные их аспекты.

Конструированию дуалистичных реальностей способствует использование разных единиц референции и к другим участникам процесса. Обратимся к фактическому материалу:

Всю компанию пьяных людей, во главе которых был не имеющий определенных занятий 25-летний Судариков, прокурор деликатно называет «группой ребят» ... «Дети» приступают к выполнению задуманного плана (Дело Алиева).

Направляя фокус высказывания на негативные характеристики потерпевших, создавая их зловещие, аморальные образы, адвокат конструирует контекст ситуации, кардинально отличающийся от того, который был создан в обвинительной речи прокурора. Обратим внимание на лексемы *дети* и *группа ребят*: адвокат иронизирует по поводу использованной прокурором идентификации потерпевших. И в первом, и во втором примере с помощью единиц референции адвокаты пытаются превратить потерпевших в преступников, то есть создать дискурсивную реальность, противоположную той, которая была создана прокурором, позиционировавшего их как жертв преступления.

Это доказывает тезис о том, что дискурсивная репрезентация не только отображает действительность такой, какая она есть, но и конструирует ее, предлагает различные взгляды на события преступления. Дискурсивный мир, представляющий реальность, есть динамическая система смыслов, которая создается оратором с помощью различных языковых средств и интерпретируется адресатом под влиянием совокупности экстралингвистических факторов.

Таким образом, дуалистичные дискурсивные конструкты можно создавать не только путем отрицания точки зрения оппонента. Механизмы фокусирования/дефокусирования получили широкое распространение в судебных дискурсивных практиках. Они помогают судебным ораторам дефокусировать «нерелевантную» для их версии реальности информацию и выделять те аспекты, которые соответствуют их интенциональному состоянию. Рассмотренные нами примеры позволяют заключить, что языковые единицы, используемые для осуществления аттенциональных сдвигов, способны создавать разные реальности. При конструировании мир становится таким, как было задумано его конструктором [15, с. 41–42].

Список литературы

1. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
2. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – 1978. – Вып. 8. – С. 259–336.
3. Halliday M.A.K. Explorations in the Functions of Language. – London: Edward Arnold, 1967. – 256 p.
4. Quirk R. Grammar of Contemporary English. – London: Longman, 1980. – 1120 p.
5. Gerbner G. Mass media discourse: Message system analysis as a component of cultural indicators // Discourse and communication: New approaches to the analyses of mass media discourse and communication / ed. by T.A. van Dijk. Berlin: Walter de Gruyter. – 2011. – P. 13–25.
6. Dijk T.A. van. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. – Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
7. Langacker R. Foundation of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 516 p.

8. Тэлми Л. Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 23–44.
9. Кибрик А.А. Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 79–90.
10. Толдова С.Ю. Структура дискурса и механизм фокусирования как важные факторы выбора номинации объекта в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 1994. – 20 с.
11. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2000. – 244 с.
12. Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К. Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // ИАН СЛЯ. Т. 66. – М., 2007. – № 3. – С. 1–11.
13. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
14. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 424 с.
15. Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. – 2014. – № 5 (90). – С. 41–46.

References

1. *Filosofia: Entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. Ed. A.A. Ivin, Moscow, Gardariki, 2004, 1072 p.
2. Dijk T.A. van. *Studies in the pragmatics of discourse* [Russ. ed.: Deik T.A. van. *Voprosy pragmatiki teksta. Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Lingvistika teksta*, 1978, vol. 8, pp. 259–336.
3. Halliday M.A.K. *Explorations in the Functions of Language*. London, Edward Arnold, 1967, 256 p.
4. Quirk R. *Grammar of contemporary English*. London, Longman, 1980, 1120 p.
5. Gerbner G. *Mass media discourse: Message system analysis as a component of cultural indicators. Discourse and communication: New approaches to the analyses of mass media discourse and communication*. Ed. by T.A. van Dijk. Berlin, Walter de Gruyter, 2011, pp. 13–25.
6. Dijk T.A. van. *Discourse and context: A Sociocognitive approach*. Cambridge University Press, 2008, 267 p.
7. Langacker R. *Foundation of cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites*. Stanford, Stanford University Press, 1987, 516 p.
8. Telmi L. *Fenomeny vnimaniia* [Phenomena of attention]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2006, no. 2, pp. 23–44.
9. Kibrik A.A. *Fokusirovanie vnimaniia i mestoimenno-anaforicheskaia nominatsiia* [Focusing of attention and pronominal anaphorical nomination]. *Voprosy iazykoznanii*, 1987, no. 3, pp. 79–90.
10. Toldova S.Iu. *Struktura diskursa i mekhanizm fokusirovaniia kak vazhnye faktory vybora nominatsii ob"ekta v tekste* [Structure of discourse and focusing mechanisms as significant factors of choosing object nomination in the text]. Abstract of Ph.D. thesis. Moscow, 1994, 20 p.

11. Plotnikova S.N. Neiskrennii diskurs [Insincere discourse]. Irkutsk, Irkutsk State Linguistic University, 2000, 244 p.

12. Kubriakova E.S., Iriskhanova O.K. Iazykovoe abstragirovanie v naimenovaniikh kategorii [Language abstraction in category naming]. *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i iazyka*, 2007, vol. 66, no. 3. Moscow, pp. 1–11.

13. Iriskhanova O.K. Igry fokusa v iazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniia [Focus games in language. Semantics, syntax, and pragmatics of de-focusing]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014, 320 p.

14. Iokoiama O.B. Kognitivnaia model' diskursa i russkii poriadok slov [Cognitive model of discourse and the Russian word order]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005, 424 p.

15. Plotnikova S.N. Diskursivnoe konstruirovaniie kak teoreticheskoe poniatie [Discursive construction as theoretical knowledge]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2014, no. 5(90), pp. 41–46.

Сведения об авторе

КРАПИВКИНА Ольга Александровна

e-mail: koa@mail.com

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск, Российская Федерация)

About the author

Olga A. KRAPIVKINA

e-mail: koal@mail.com

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department for Engineering Majors No. 2, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation)